

◆ Валерий Введенский ◆

Валерий Введенский

Сыщики
из третьей гимназии
и Секрет медальонов

Москва
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В24

Введенский, Валерий Владимирович.

В24 Сыщики из третьей гимназии и Секрет медальонов / Валерий Введенский. — Москва : Эксмо, 2024. — 448 с. — (Исторический детективъ Николая Свечина и Валерия Введенского).

ISBN 978-5-04-202064-3

Тряпичница Фроська и её сын Кешка стали случайными свидетелями преступления. В квартиру питерского ростовщика Чванова ворвался беглый каторжник и стал требовать от него какой-то медальон. Конфликт быстро перерос в потасовку, в результате которой ростовщик был убит.

Воспользовавшись моментом, мамаша с сыном обчистили квартиру и заполучили тот самый медальон, ставший причиной убийства.

Мальчик спрятал медальон, даже не догадываясь, что эта безделушка хранит в себе часть секретного шифра и что точно такой же медальон со второй частью шифра греется сейчас на груди убийцы. Но прежде чем будет раскрыта тайна этих украшений, мальчику придется спасать мать... Ведь это ее арестовала полиция, обвинив в убийстве ростовщика.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-202064-3

© Введенский В.В., 2023
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— Ну наконец-то, — прошептал Дерзкий, заметив в подворотне женщину в алой косынке.

— Что? Вышла? — уточнил его напарник Оська по прозвищу Хвастун, долговязый парень в рваном засаленном сюртуке. — А точно она?

— Она, голубушка, кухарка Чванова. Платочек аленький на всей Коломенской только у нее.

— А что, у ростовщика другой прислуги разве нет?

— Нет.

— Ты ж говорил, богач...

— Богач-то богач, но жуткий скряга.

— Может, потому и богач, что скряга, — посетила голову Оськи неожиданная мысль. — Говоришь, закладов у него тысяч на пять?

— Может, и на десять.

— Как же ты их унесешь? Пойдем давай вместе. Ну что нам тот дворник сделает? Скажем, что к ростовщику, медальон твой идем закладывать...

— Дворник меня знает...

— Откуда? — спросил любопытный Оська.

— Не твое собачье дело, — стукнул по столу Дерзкий.

Оська хотел возразить, но, кинув на приятеля взгляд, осекся — глаза Дерзкого горели недобрым огнем, а сжатые в кулаки руки готовы были врезать, ежели Хвастун немедля не заткнется.

— Так. Кухарка вышла на Коломенскую, повернула в сторону Кузнечного переулка, — сообщил приятелю Дерзкий, смотревший в окно. — Тебе пора. Все помнишь?

— Чего тут помнить? Показать дворнику целковый, пригласить сюда, в трактир.

— Стол займешь другой, где-нибудь в глубинке, чтобы ему улицу было не видать.

— Это понятно. — Оська поднялся с табурета и направился к выходу.

— Эй, служающий, — крикнул Дерзкий, — сколько с нас?

— Чайная пара ♦, — стал загибать пальцы правой, — два бутерброда с ревельской килькой, два с ветчиной, итого-с пятиалтынный.

Дерзкий бросил на стол три пятака, продолжая наблюдать в окно за Оськой, который, перебежав Коломенскую, вальяжной походкой подкатил к дворнику, лениво подметавшему тротуар.

— Эй, уважаемый, — обратился он к нему.

♦ Чайники с заваркой и кипятком.

Крепкий бородач в длинном темном кафтане и белом фартуке неприязненно оглядел оборванца:

— Чего тебе?

— Сам-то я нездешний, только-только с вокзала. Вот ищу, где выпить.

— А деньги у тебя есть? — усомнился дворник, разглядывая разодранный сюртук Хвастуна.

— А то как же! — воскликнул Оська и достал из-за пазухи выданный ему Дерзким рубль.

— Ого, целковый! — одобрительно цокнул языком дворник. — На такие деньжата славно можно погулять.

— Только вот где? — улыбнулся в ответ Осип.

Улыбка у него была столь располагающей, что даже городской не заподозрил бы в нем воришку и мошенника.

— Да хоть напротив, — махнул метлой дворник на тот самый трактир, из которого только что Оська вышел.

— Не составите ли мне компанию, уважаемый? А то я здесь никого не знаю.

Отлучаться от дома дворнику было нельзя. Если бы его отсутствие обнаружила хозяйка, непременно уволила бы. Но нынешнее лето она безвылазно жила на даче, в город не приезжала. И дворник, а звали его Прокопий, решил рискнуть — уж больно хотелось ему выпить на дармовщинку. Он отнес метлу в дворницкую, снял там фартук и вместе с новым приятелем отправился в трактир.

Дерзкий покинул трактир в тот момент, когда Прокопий скрылся в дворницкой. Степенно, будто и не в старом заношенном армяке, пересек Коломенскую и зашел в парадный подъезд. Поднявшись на второй этаж, покрутил кнопку звонка. В глубине квартиры раздались неспешные шаги, и вскоре входную дверь отворили, правда, не настежь, всего лишь на цепочку.

— Чего тебе надо? — спросил ростовщик, увидев через щель оборванца.

— Медальон заложить, серебряный, — и, сняв его с шеи, сунул под нос ростовщику.

Дверную цепочку тут же сняли, дверь распахнулась.

— Прошу, проходи. — Ростовщик пропустил Дерзкого внутрь и от охватившего его волнения забыл закрыть дверь на ключ. — Откуда он у тебя?

Дерзкий, игнорируя вопрос, прошел прямо по коридору в огромную комнату. Другие бы хозяева использовали ее как столовую, Чванов же заставил стеклянными витринами, точь-в-точь как в ювелирных лавках. И в них под замками держал заклады — от дорогих колец с бриллиантами до копеечных медных крестиков, — под залог которых ссужал клиентам деньги. Кому в половину, а кому в четверть истинной стоимости. В назначенный Чвановым срок (обычно через месяц) залог надлежало

выкупить, то есть вернуть ростовщику полученную сумму, а сверх нее еще и плату за кредит, так называемые проценты. Однако редко кому из его клиентов это удавалось. И тогда невыкупленные заклады становились собственностью ростовщика.

— А ты, смотрю, все богатеешь и богатеешь, — процедил Дерзкий.

— Как смеешь мне тыкать, оборванец? — взвизгнул Чванов. — И вообще, откуда у тебя этот медальон?

— Что? Неужто не узнал?

Стоявший спиной Дерзкий обернулся, и Чванов едва не выронил из рук свечку.

— Анатолий?

— Таки признал... Ну что, обнимемся, братишка?

— Ты же на каторге...

— Был и там, да весь вышел.

— Ты что... сбежал?

— Какой ты догадливый...

— И что тебе от меня надо?

— Во-первых, денег...

Чванов достал из кармана халата несколько мятых рублей:

— На, держи...

Дерзкий отпихнул руку брата:

— Три рубля? Ты что? Издеваешься? Я ведь из-за тебя на каторгу попал.

— Ты попал туда за убийство.

— Меня признали бы сумасшедшим, если бы не ты. Зачем ты в суд явился?

— А зачем ты подписывал векселя моим именем? Знаешь, сколько сил и средств мне пришлось приложить, чтобы от них отбиться?

Дерзкий достал из кармана длинный узкий кинжал.

— Ты чего? — попятился от него ростовщик. — Я твой брат...

— Спасибо, что об этом вспомнил. Открывай давай несгораемый шкаф. Я знаю, он вмурован за портретом отца. Открывай, говорю, не то порежу, как колбасу...

Возмущенный ростовщик подошел к картине. Сняв ее, достал из кармана халата связку ключей и, безошибочно выбрав нужный, сунул в замок шкапа.

— Теперь отойди, — велел Дерзкий. — Вдруг у тебя там револьвер?

Увы, револьвер ростовщика покоился в ящике письменного стола. Как бы ему до него добраться?

Каторжник повернулся спиной к брату и, вытащив из кармана армяка холщовый мешок, сгреб в него лежавшие в шкапу купюры и монеты.

— Негусто, — вздохнул он. — Где остальные?

— Все, что есть, — развел руками ростовщик. — Ты думал, я миллионер? Какое там... Каждая копейка потом и кровью достается...

Дерзкий рассмеялся:

— Скажешь тоже... Ты такой же грабитель, как и мои друзья-каторжники. Последнее у людей

отбираешь. Только им, разбойникам, за то каторга полагается, а вам, ростовщикам и банкирам, — уважение и почет. А где медальон?

— Какой медальон? — опешил Чванов.

— Отцовский.

— Зачем он тебе?

— Не твое собачье дело, — оборвал его Дерзкий. — Давай медальон, живо. Не то зарежу...

— Не маши ножичком. Забирай, конечно... Где же он? Недавно ведь на глаза попадался, — начал ломать комедию ростовщик, медленно приближаясь к столу. — Не здесь ли?

Александр Иванович приоткрыл дверцу буфета:

— Нет. Должно быть, в столе...

Быстро подошел к нему, открыл нужный ящик и вытащил револьвер:

— А вот и он. Теперь клади деньги обратно в шкаф. Быстро! И нож туда же.

Дерзкий, сплюнув на ковер, с презрением глянул на брата:

— Как сволочью был, так сволочью и остался.

— С волками жить — по-волчьи выть, — с самодовольной улыбкой ответил ростовщик. — Пора тебе, Толик, обратно в Сибирь. И на сей раз уж я не поспею, будь уверен. Заплачу тюремщикам, чтобы глядели за тобой в оба. Сгниешь там заживо.

— А ежели секрет медальонов открою?

— Какой еще секрет?

— Отец в них зашифровал, где спрятано наше наследство.

— Не говори ерунды. Наследство украл Васька...

— Если бы он украл, я бы в Нерчинске его не встретил. С такими деньжищами с каторги сбежать — плевое дело.

— Васька до сих пор жив?

— Да. И побожился, что денег отцовских не брал. Папашка наш, — Дерзкий кивнул на портрет, — их спрятал...

— Где?

— Так я тебе и сказал. Сперва поклянись, что не выдашь меня властям и что деньги поделим поровну.

Ростовщик задумался. Дерзкий видел по глазам брата, какая нешуточная борьба между лютой ненавистью и жадностью происходит в его душе. Как и рассчитывал преступник, алчность победила.

— Хорошо, клянусь. Говори, в чем секрет.

* * *

Орудием труда крючочникам служил трехзубый крюк, ввинченный в палку от метлы. Им они шуровали в мусорных кучах, отделяя от объедков ценные, по их мнению, вещи: обрывки тканей, обглоданные кости, бутылки и железки. Найденное тряпичники складывали в холщовые мешки, что висели у них за плечами, и вечером, вернувшись домой, сортировали их по кучкам, чтобы затем сбыть скупщику. Тот же, собрав хлам от

полусотни крючочников, продавал его на переработку: ткани шли на производство бумаги, кости — на изготовление клея, металлы — в переплавку, бутылки возвращались в трактир.

Но иногда в кучах мусора крючочникам попадались более ценные вещи: изношенный костюм или платье, которое можно было перелицевать, — их сбывали портным, стоптанные до дыр сапоги или туфли продавали сапожникам. А вот потерянные из-за прогнившей веревки нательные крестики крючочники относили ювелирам или ростовщикам.

Как раз накануне, в субботу 16 августа 1873 года, десятилетний Кешка, сын Фроськи-крючочницы, нашел в одном из дворов Свечного переулка золотой крестик.

— Сдадим Александру Иванычу, — с ходу решила его мать. — Полтинник за него точно даст.

— А конфет мне за крестик купишь? — уточнил Кешка, как и все ребяташки, обожавший сладкое.

— Еще чего? За угол еще не плочено...

Кешка с мамкой снимали для жилья угол в комнате портного Иванова.

— Тогда требуй с ростовщика не полтинник, а рупь...

— Не даст. Ни в жизнь не даст.

— Он-то даст. Только ты обмануть меня хочешь и второй полтинник пропить, — догадался

Кешка и решительно заявил: — Вместе к Иванычу пойдем.

И какие только причины не придумывала Фроська, чтобы сынок остался дома, Кешка все равно увязался за ней. Если бы дворник стоял, как и положено, на улице, через парадную дверь он бы крючочников не пустил, заставил бы их по черной лестнице подыматься. Но Прокопий сидел в трактире, и Фроська с Кешкой спокойно зашли в парадную и поднялись на второй этаж. Квартира ростовщика была не заперта. Они приоткрыли дверь и вошли. Из бывшей столовой до них донеслись голоса:

— Хорошо, клянусь. Говори, в чем секрет.

— Помнишь на обеих миниатюрах березу...

— Как не помнить...

— Так вот, листики на ее ветках — это шифр...

И тут Кешка внезапно чихнул.

— Кто там? — громко спросил ростовщик.

— Мы это, Ефросинья с Иннокентием, — подобострастно ответила крючочница. — Но ежели заняты...

— Беги в полицию. Скажи, грабителя пой...

Договорить ростовщик не успел — Дерзкий метнул в него кинжал, который попал точно в горло. Выстрелить в ответ он не сумел — руки разжались, револьвер из них выпал, и ростовщик с грохотом повалился на пол. А преступник, подхватив мешок с деньгами, ринулся на кухню, в два

прыжка очутился у двери на черную лестницу, быстро скинул крюк, на который та была закрыта, и был таков...

* * *

Ни Фроська, ни Кешка в полицию не побежали. Услышав сперва грохот, а потом убегающий топот, они, выставив вперед, словно ружья, крюки, осторожно прошли по коридору в квартиру.

Нет, они не считали себя бесстрашными героями, которые, презрев опасность, кинулись на помощь ростовщику. Расчеты у них были свои: грабители, судя по топоту, уже сбежали, а Чванов, похоже, убит или ранен. Вдруг разбойники не все успели украсть? Вдруг и Фроське с Кешкой что-то перепадет?

— Господи! — перекрестилась крючочница, увидев лежавшего на полу ростовщика, вокруг которого растекалась лужицей кровь.

— Что? Сдох? — уточнил Кешка.

— Дохнут кошки с собаками... Люди Богу душу отдают...

— Он уже отдал душу?

Фроська осторожно потрогала крюком тело ростовщика:

— Кажись, да. Сходи-ка парадную дверь на цепочку запри. А я пока...

Фроська размахнулась палкой и ударила крюком по одной из витрин.

— Нас же в тюрьму посадят! — испугался Кешка.

— А кто на нас подумает? Никто и не видал, как мы в дом зашли.

Фроська сняла заплечный мешок и стала запихивать в него заклады. Кешка сбегал к двери и закрыл ее.

— Дай-ка свой горбовик, — велела ему мать, когда он вернулся в столовую.

Кешка стянул заплечный мешок и кинул ей, не сводя глаз с Александра Ивановича — он вдруг заметил, что положение правой руки ростовщика изменилось: когда они только зашли, она была выпрямлена, а теперь согнута.

— Кажись, жив, — испуганно пробормотал Кешка.

— Когда кажется, крестись...

— Кто тут? — прошептал ростовщик.

— Ой! И вправду жив! Что ж теперь будет? — испугалась крючочница.

— Фроська, ты? — прохрипел Чванов.

— Да.

— Подойди.

Крючочница с опаской приблизилась.

— Сыну... передай... медальоны... листики на березе... шифр... Поняла? — произнес умирающий.

— Шифер на березе, чего тут непонятного?

— Передай, Толька за ними... — закончить ростовщик не смог. Правая его рука снова разогнулась, и он затих навсегда.

— Теперь точно Богу душу отдал, — перекрестился Кешка.

— Ну что встал как вкопанный? — закричала Фроська, уже успевшая разбить и обчистить все витрины. — Оглядишь, что бы еще прихватить.

Кешка, схватив венский стул, подбежал к киоту.

В каждом доме, где жили православные, имелась полка с иконами, которая называлась киотом.

— А ты у меня голова! — похвалила Кешку мать. — Оклады-то на иконах какие богатые. Дай-ка их сюда.

Забравшись на стул, Кешка стал подавать иконы, а Фроська — складывать в мешок.

— Ты там еще пошуруй. За иконами часто самое ценное прячут, — велела мать.

Он послушался и действительно обнаружил в глубине киота нечто круглое на цепочке. Нажав на кнопку медальона, он открыл его и в свете неугасимой лампы, горевшей на киоте, увидел вложенную в него картинку, а на ней офицера, а за ним березу, на ветках которой желтели листочки.

«Медальон... листочки... шифер», — пронеслись в голове последние слова Чванова.

— Ну что там? — спросила Фроська.

— Вроде ничего, — соврал Кешка.

— Тогда слезай. Тикать отсюда пора.

Кешка спрыгнул со стула, незаметно для Фроськи сунув медальон в карман штанов.

— Все, пошли, — сказала Фроська. — Не дай бог, кухарка с рынка вернется...

Кухарку Чванова, ту самую, в аленьком платке, крючочки встретили по дороге сюда — оставившись возле Кузнечного рынка, она точила лясы с товаркой.

— Опять через парадный пойдем? — спросил Кешка.

— Нет, через черный. Вдруг дворник на пост вернулся?

Черные лестницы имелись в каждом доходном доме — по их облупленным грязным ступенькам дворники поднимали в квартиры дрова и воду, а обратно уносили мусор и пищевые отходы. Также по черным лестницам ходила прислуга — лакеи, горничные, кухарки и обслуга — полотеры, трубочисты, прачки, разносчики.

На черной лестнице крючочки ни с кем не столкнулись, двор был пуст. Чтобы не попасться на глаза Прокопию, через подворотню не пошли. А, поплутав между дровяными сараями, выбрались «сквозняками» (проходными дворами) на соседнюю, Николаевскую улицу и по ней уже направились к Лиговскому каналу.

* * *

Дерзкий, попетляв на всякий случай по соседним улицам, снова зашел в трактир. За столик садиться не стал. Встретившись глазами с Оськой, сделал ему знак, мол, пора отчаливать.

— Счетик нам извольте! — крикнул Хвастун половому.

— Что, уже уходим? — удивился сильно захмелевший Прокопий.

— Да, брат, мне пора. Дела у меня еще...

— Хороший ты человек, Оська, — сказал, поднимаясь со скамьи, дворник.

Хвастун быстро рассчитался и, простившись с новым приятелем, выскочил из трактира вслед за Дерзким. Друг за другом, будто и незнакомы, они дошли до Свечного переулка. На перекрестке Дерзкий остановился, пропуская экипаж, и, когда Оська поравнялся с ним, быстро сунул ему в руку целковый.

— Что, уже и сбыть успел? — удивился Хвастун, разглядев рубль. — А почему так мало? Мы же договаривались...

— Все обещанное ты получишь. И даже больше. — Экипаж проехал, и оборванцы двинулись дальше по Коломенской. — Но придется залезть в квартиру еще раз. Не все оттуда выгреб. Помешали...

— Кто?

— Клиенты ростовщика. Явились в самый неподходящий момент. Пришлось ретироваться.

— Думаешь, ростовщик тебя еще раз впустит? — со смешком спросил Оська.

— Кто его будет спрашивать? Был ростовщик, да весь вышел.

— Как это?

— Зарезал я его.

— Что?

— Что слышал. Ты пока погуляй, а часика в четыре снова приходи в трактир.

Ошарашенный Оська еще долго стоял как столп, обдумывая положение, в котором внезапно очутился. Конечно, он и до сего дня был преступником, но всего лишь воришкой, никак не убийцей. И теперь, если вдруг поймают, месячным арестом он не отделается. За убийство и даже за соучастие в нем отправят на каторгу. Почему Дерзкий не предупредил, что убьет ростовщика? Вот ведь негодяй!

Но чуть погода Оська вспомнил о серебряном рубле, что сжимал в кулачке, и настроение сразу улучшилось. С неизменной улыбочкой на лице он пошел коротать время в кабак.

А его недавний собутыльник Прокопий, не без труда перейдя через дорогу, надел фартук и, взяв в руку метлу, встал у подъезда. Правда, мести тротуар он уже не мог, метла ему была нужна скорее для опоры. Вскоре мимо него прошмыгнула во двор кухарка Чванова, закупившая на Кузнечном рынке провизию на обед и ужин. Прошла еще пара минут, и со второго этажа раздался ее истошный крик:

— Помогите! Убили!

Прокопий, спотыкаясь, побежал по парадной лестнице вверх — навстречу ему с криком летела кухарка.

— Беги! Беги в полицию! — велел ей Прокопий.